

культуру. Наряду с этим Газданова также привлекают и уникальные знания, имеющиеся у его героев: у Алданова и Каффи – феноменальная память, у Ремизова – чувство юмора, чудаковатость, у Степуна – умение интересно рассказывать.

Особенность выступлений Газданова заключается и в их своеобразной манере повествования, в их стиле. Почти каждая из газдановских передач-портретов создана по законам литературного текста со всеми необходимыми элементами художественности. Это подмечает уже Л. Диенеш, говоря о тексте, посвященном Ф. А. Степуна. В частности, он пишет: «...окончание очерка можно было бы прямо вставить в любой газдановский роман или рассказ: по стилю и содержанию оно полностью подходит. Темы смерти и справедливости, так же как ритм и словарь последнего абзаца – это типичный Газданов».

Из всего вышеперечисленного можно сделать вывод, что, хотя для своих радиовыступлений Г. Газданов создает «скрипты», т. е. специально подготовленные тексты, читаемые им во время эфира, все они построены по правилам художественного произведения. Каждый портрет представляет собой небольшой рассказ Газданова об известных литературных персонажах русского зарубежья, среди которых особенно удавшимися можно считать очерки об М. А. Алданове, А. Каффи и А. М. Ремизове, поскольку они изобилуют не столько публицистическими, сколько литературными, книжными приемами, а также обладают целостностью и завершенностью.

Литература

Барахов В. С. Литературный портрет. Л. : Наука, 1985.

Выступления Г. Газданова на радио «Свобода» / сайт «Архив открытого общества» (OSA Open Society Archives). [Электронный ресурс]. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/?utf8=✓&q=газданов> (дата обращения: 29.03.2021).

Газданов Г. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 4. Романы. Выступления на радио «Свобода». Проза, не опубликованная при жизни. М. : Эллис Лак, 2009. С. 359–466, 694–723.

Нансеновские Чтения 2009 / под ред. М. Н. Толстого. СПб. : ИКЦ «Русская эмиграция», 2010. С. 197–203. URL: http://www.italy-russia.com/2014_02/kaffi-andrej-ivanovich/ (дата обращения: 29.03.2021).

Kirienko A. The genre of feature story in radio performances by G. Gazdanov

Abstract: the article is about work of member of Russian foreign literature G. I. Gazdanov, namely his editorial and literary activities on Radio Liberty. In particular, it examines the literary portraits of writers and cultural figures of the Russian diaspora, created by him during his work on the radio from 1953 to 1971. Within the framework of this study, based on the material of radio recordings about B. K. Zaitsev, A. M. Remizov, M. Gorky, M. A. Aldanov, Andrea Caffi and F. A. Stepun analyzes the techniques – the characteristic features of the style and composition inherent in Gazdanov's performances of this genre.

Key words: G. I. Gazdanov, Russian foreign literature, Radio Liberty, feature story, literary portrait

И. А. Баландина

(научный руководитель – доктор филологических наук Т. А. Снигирева)

Уральский федеральный университет

Екатеринбург, Россия

«Большая книга интервью» Иосифа Бродского как эго-текст поэта

Аннотация: статья посвящена разбору основных силовых линий проговаривания позиции Иосифом Бродским в «Большой книге интервью» и возможности отнесения его

интервью к жанру эго-текста. На материале интервью, собранных под редакцией Валентины Полухиной, проанализированы основные биографические, эстетические и творческие аспекты автопрезентации поэта, выделены три категории его собеседников и тематические особенности интервью и манеры выражения личностной позиции Бродского.

Ключевые слова: Бродский, интервью, эго-текст, репрезентация поэта.

В наследии Иосифа Бродского важное место занимает внушительное количество интервью, которые он давал на самые разнообразные темы, начиная от разговоров о его собственном творчестве и взглядах и заканчивая характеристиками других деятелей культуры: например, его интервью журналу «The Iowa Review» под ярким названием «В Солженицыне Россия обрела своего Гомера». Во многих интервью звучат имена А. Ахматовой, У. Х. Одена, М. Цветаевой и многих других. Наиболее полный список его интервью, составленный В. Полухиной, включает в себя 152 значения. Редактор в сопроводительной статье отмечает разнородность материала: «Неоднородность – первое, что обращает на себя внимание <...>. Неоднородность как качественная, так и тематическая. Темы интервью колеблются от примитивных политических вопросов до обсуждения сложных вопросов русской поэзии и духовных источников творчества Бродского» [Бродский 2000: 677].

Как его интервью оказываются связаны с таким явлением, как эго-текст? М. Ю. Михеев определяет эго-текст как, во-первых, текст автора о себе самом, и, во-вторых, текст, написанный с субъективной авторской точки зрения: «Под определение эго-текста (выделено автором – *И. Б.*) попадает не только дневниковый, но также конечно и мемуарный текст, где ощутим временной отступ от описываемых событий. Сюда же примыкают письма – с отступлением уже от автокоммуникации, то есть адресованности самому себе и выходящей на передний план диалогической направленностью высказывания. Добавим также к этому перечню автобиографию <...> – все это тексты в какой-то степени литературные, разного рода автобиографическая проза, рассчитанная на какой-то, пусть не до конца определенный, но – круг адресатов, кроме собственно авторского “я”» [Михеев 2006: URL].

Ключевой особенностью интервью с Бродским можно уверенно назвать склонность поэта перехватывать инициативу в разговоре и уводить тему в интересную именно ему сторону. Даже опытным интервьюерам вроде Соломона Волкова было сложно удерживать ведущую роль в беседе: Бродский талантливо манипулировал собеседниками и говорил в первую очередь то, в чем был сам заинтересован, касалось ли это его отношения к искусству, его биографии или любой другой темы, предложенной ему для разговора. Изначальная концепция интервью и вопросы, ему задаваемые, становятся опорной точкой и толчком для начала беседы, но содержание ее, вне зависимости от намерений интервьюера, Бродский всегда определял сам.

При сопоставлении различных интервью поэта с воспоминаниями современников, можно заметить в словах Бродского и некоторое лукавство, особенно в вопросах, связанных с его творчеством. Например, в интервью для журнала «Mosaic» он так отвечает на вопрос о том, что чувствует при чтении стихов на публику: «Сейчас уже ничего. А поначалу мне нравилось. Потом все это стало казаться скучным и никчемным. <...> Думаю только об одном: сделать это как можно лучше для тех, кто собрался меня послушать. Я стараюсь держаться на уровне» [Бродский 2000: 41]. Однако, Я. Гордин свидетельствует: «Чтение Бродским своих стихов было жизнью в стихе. Перед слушателями происходило уникальное и потрясающее явление – абсолютное слияние личности и результата творчества, казалось бы, уже отделившегося от этой личности. Происходил некий обратный процесс – стихи снова воссоединялись с поэтом. <...> Это было именно проживание поэзии» [Гордин 1989: URL].

Приведенный пример показывает, насколько могут не совпадать автооценка и оценка со стороны. Безусловно, поэт преподносит аудитории свое «я» в том виде, в каком ему это важно. Бродский настаивает: «Поэт – герой своего собственного мифа» [Бродский 2000: 675].

В. Полухина в статье «Портрет поэта в его интервью», включенной в сборник, выделяет несколько категорий изданий и интервьюеров, которым поэт давал интервью. Первой группой редактор называет издания, рассчитанные на массовую аудиторию, заинтересованную в биографических подробностях жизни и незамысловатых беседах. В интервью с подобными журналистами Бродский чаще всего пользуется их неумением держать разговор под контролем, и начинает переводить тему. Так происходит в разговоре с журналисткой «Observer». Интервью начинается с простых вопросов о ссылке и депортации, Бродский отвечает неохотно и старается переключить разговор на проблемы литературного характера: «[И:] – Вы бы назвали себя диссидентом? [Б:] – Нет. Думаю, нет ничего глупее ярлыков вроде этого; государству они нужны, чтобы обесценить само понятие литературы. <...> Если что-то нас отличает от животного царства, так это – язык, а потом поэзия: последняя есть высшая форма языка, она – средство эволюции нашего биологического вида, его антропологическая цель» [там же: 160].

К этой группе можно отнести и третью, выделенную Полухиной, которую она характеризует как своеобразные *table talks*: «Эти интервью могут служить связующим звеном между духовной биографией Бродского и его эмпирическим «я»... <...> поэты чаще, чем исследователи, обладают даром наводить Бродского на разговоры, “нужные для полноты [его] духовного портрета”» [там же: 678]. Обе категории объединяет интерес к социальным, политическим и биографическим темам бесед.

Важнее другая категория собеседников, поднимающих литературные вопросы – писателей и журналистов из узкого круга изданий, специализирующихся именно на литературной жизни сообщества, Полухина выделяет в еще одну, вторую по счету в ее статье, и наименьшую по численности группу интервьюеров: «Сравнительно небольшую группу интервью составляют беседы с поэтом исследователей и переводчиков его творчества. Тематика этих интервью более сфокусирована, вопросы заранее продуманы и имеют сюжетную направленность. <...> Петр Вайль просит Бродского оценить поэзию Дерека Уолкотта (1992с)» [Бродский 2000: 677].

Важной темой в интервью Бродского и его самопрезентации является его биография. Большое внимание интервьюеры, и русские, и зарубежные, уделяют теме суда и ссылки поэта. Из-за высокой частотности повторения одинаковых вопросов и одинаковых ответов Бродский регулярно старается уйти от темы, отшучивается или начинает лукавить во время ответа. К примеру, о судебном процессе поэт часто говорит как о явлении анекдотическом, хотя на самом деле данный период в его жизни был очень тяжелым и болезненным. Но в интервью он вспоминает о суде, как о чем-то незначительном и смешном, делая вид, что не понимает, почему этой теме уделяют так много внимания.

О ссылке было выразительно сказано в «Диалогах с Иосифом Бродским» С. Волкова: «Период ссылки на север был в моей жизни одним из самых лучших периодов. Бывали и хуже, но лучше, пожалуй, не было» [Волков 2000: 89]. В интервью поэт отзывается о времени в Норинском с теплотой, для него важно подчеркнуть для себя и для собеседника позитивное значение этого периода в его биографии: «Конечно, физические нагрузки порядком выматывали, а главное – я не имел права покидать место ссылки. Мои передвижения были строго ограничены. Но в силу своего характера я как-то приспособился и решил извлечь из своего вынужденного затворничества максимум возможного. Жизнь на природе мне нравилась» [Бродский 2000: 87]. В лирике, эссе и интервью поэта прослеживается яркая взаимосвязь темы эмиграции с мотивом изгнанничества, чувствуется сильная тоска Бродского по родине и близким. «Я тут человек временный...» [Бродский 2000: 44] – говорит он «Mosaic», литературному журналу.

Еще одна биографическая линия – тема национальности и самоопределения поэта: «Я <...> всегда старался, возможно самонадеянно, определить себя жестче, чем то допускают понятия «раса» и «национальность». Говоря иначе, из меня плохой еврей. Надеюсь, что и плохой русский. Вряд ли я хороший американец. Самое большее, что я могу о себе сказать: я есть я, я – писатель» [Бродский 2000: 164]. Бродский настаивает на идее того, что его личность значительно больше его биографии, и неотделимо связывает ее с языком и литературой. «Писатель» для него куда более значимая характеристика, нежели «еврей», «эмигрант», «русский» или даже «Нобелевский лауреат».

В разговорах о биографии явно прослеживается политический подтекст как в русскоязычных, так и зарубежных изданиях. Противостояние России и Запада давало о себе знать, и отношение Бродского к своей родине, Европе и Америке было для интервьюеров актуальной темой вопросов, прямого ответа на которые поэт никогда не давал.

В интервью «Рожденный в изгнании» Бродский говорит о своих впечатлениях от Запада сразу после приезда, американском социальном строе и ценностях: «В жизни в чужой стране нет ничего нового после того, как ты жил в России. <...> Мое поколение выросло в пятидесятые годы, и я – один из тех, кто воспринял идею индивидуализма буквально. А какие бы ни были у Америки недостатки, она все еще олицетворяет эту идею. Никакая другая страна на это не способна. И то, что я – часть этой идеи, наполняет меня гордостью» [Бродский 2000: 166]. Но частое повторение одних и тех же вопросов в конце концов начинает раздражать. В разговоре с изданием «Время и мы» поэт выходит из себя, в очередной раз услышав вопрос о причинах, почему именно он был избран объектом гонений: «Вы у них спросите! Откуда я знаю? Я о них и думать не хочу!» [Бродский 2000: 191].

Журналисты хотели узнать мнение Бродского по серьезным социальным вопросам. События, происходящие в мире, он без внимания оставить не мог. В «Искусстве поэзии» он говорит об Афганской войне: «Год назад по телевидению показали кадры, снятые в Афганистане. По пустынной равнине ползут русские танки – и все. Но я потом больше суток подряд просто на стены лез. <...> Я воспринял эти танки как орудие насилия над природной стихией. Земли, по которой они шли, даже плуг никогда не касался, не то что танк. Какой-то экзистенциальный кошмар» [Бродский 2000: 104].

В разговорах на темы политические и социальные Бродский все равно возвращался к искусству, воспринимая события через призму поэтического, образного мышления. Он много говорил о различиях в строе советского и американского общества, образе жизни и мысли, рассуждал о грядущем, и, в том числе, рассказывал о своих впечатлениях от преподавания: «У вас столько выдающихся людей в университетах и в то же время невероятно высок процент бездарей» [Бродский 2000: 44]. Впрочем, данное высказывание весьма спорно, ведь у Бродского была крайне своеобразная манера преподавания. Он не имел навыков преподавателя и предлагал студентам сходу читать и разбирать произведения русских поэтов – задача и для носителя языка достаточно сложная.

В Нобелевской лекции Бродский говорил так: «Поэт – есть средство существования языка» [Бродский 2001: 16]. Данной идеи он придерживался неукоснительно.

Литература для Бродского была всегда большим, нежели средство заработка. Так он об этом говорит в интервью «Поэт – орудие языка», где придерживается своей традиционной идеи ведомости поэта языком: «Я никогда не надеялся жить только литературным трудом ни там, ни здесь» [Бродский 2001: 50].

Журналистка во вступлении к интервью подробно описывает ситуацию разговора и свои впечатления от разговора, которые тоже могут служить дополнительным подтверждением разного отношения Бродского к поэзии в целом и собственному творчеству: «Поэт откровенно высказывал свои мысли, особенно когда речь шла на общие темы или о его отношении к поэзии как к жанру. Однако был более сдержан в ответах на вопросы, казавшиеся его собственного творчества» [Бродский 2001: 25]. О своем

творчестве он всегда говорит особенно сдержанно и осторожно: это основная сфера искажений и недосказанностей. В интервью «Муза в изгнании» Бродский дает этому объяснение: «Я не могу говорить о себе и своих стихах: это мне нравится, это я написал. Но как я это сделал? Думаете, легко говорить о своих стихах? <...> Некоторые могут. Но это же в некотором смысле самооправдание, само... Это нескромно. Но дело не в моей скромности, а скорее в неспособности» [Бродский 2001: 36].

Тема сакральности языка и поэзии – это основа эстетико-философских воззрений Бродского. Называя себя атеистом, поэт все же приписывает божественную сущность языку: «Язык – начало начал. Если Бог для меня и существует, то это именно язык» [там же: 96]. В эстетическом видении Бродского язык главенствует над поэтом, и это является для него одной из наиболее важных идей в отношении к творчеству. «На самом деле – и это чрезвычайно существенный аспект – сущность литератора в том, что он как бы марионетка своего дара, то есть даже не столько марионетка своего дара, сколько марионетка языка. Когда мы хвалим того или иного поэта, того или иного писателя, особенно поэта, я думаю, мы совершаем в некотором роде ошибку, просто перемещаем акцент или ударение, смещаем, вернее, потому что на самом деле писатель прежде всего орудие языка, а не наоборот, как считается» [Бродский 2001: 224], – заявляет поэт в интервью Д. Савицкому.

Особое значение в мире Бродского занимает русский язык, язык его поэзии. Поэтические опыты на английском языке он считал скорее интересным творческим экспериментом, нежели полноправными произведениями наравне с его русскоязычной лирикой: «...для меня, когда я пишу стихи по-английски, – это скорее игра, шахматы, если угодно, такое складывание кубиков» [Бродский 2001: 118].

В его интервью данная тема занимает очень большое место, как и тема значения литературы в жизни человека и историко-культурном процессе.

Итак, можно назвать несколько основных положений в презентации Бродским своего «я»: биографическая – темы ссылки и суда, эмиграции и личного самоопределения поэта; социальная – сравнение жизни в России и Европе, разговоры о политике, знаковых событиях того времени и будущем; эстетическая и творческая – идея всеобъемлющего влияния языка и его воздействия на поэта и общество, видение Бродским своего творчества и отношение к нему. При этом, о себе и своем творчестве поэт говорит осторожно и неохотно, биография ему кажется предметом недостаточно важным и не требующим такого подробного и регулярного обсуждения, а на вопросы о собственном творчестве он отвечает скромно, не испытывая желания объяснять причины создания того или иного стихотворения или особенности образов, и предпочитает отвечать на вопросы, связанные с литературой в общем контексте.

Таким образом, можно выделить ключевые особенности «Большой книги интервью» как эго-текста Бродского: во-первых, манипулятивность ответов поэта – он проговаривает в первую очередь только то, что хочет сказать сам, уводя разговор в выгодную ему сторону; во-вторых, его неодинаковость в беседах с разными интервьюерами – выделенные ранее три категории интервью; и, в-третьих, специфика выбора тем для разговора и различность ответов на определенные категории вопросов – биографический аспект для Бродского является малоинтересным, собственно-творческий слишком интимен и сложен, чтобы он мог обсуждать свои стихотворения. С наибольшим удовольствием Бродский говорит о творчестве и языке, и именно это чаще всего становится основной темой в его интервью.

Литература

Бродский И. Большая книга интервью. М. : Захаров, 2000.

Бродский И. Сочинения Иосифа Бродского в 7 т. Т. I. СПб. : Пушкинский фонд, 2001.

Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским / Вступительная статья Я. Гордина. М. : Издательство Независимая Газета, 2000.

Гордин Я. Дело Бродского / «Нева» № 2, 1989. [Электронный ресурс]. URL: https://www.booksite.ru/localtxt/gor/din/gordin_ya/delo/2.htm (дата обращения: 29.03.2021).

Михеев М. Дневник как эго-текст. (Россия, XIX–XX) / М. Ю. Михеев. М. : Водолей Publishers, 2007. URL: <http://uni-persona.srcr.msu.ru/site/research/miheev/kniga.htm> (дата обращения: 29.03.2021).

Balandina I. A. Joseph Brodsky's «The Big Book of Interviews» as the ego-text of the poet

Abstract: the article is devoted to the analysis of the main lines of force of pronouncing the position by Joseph Brodsky in the «Big Book of Interviews» and the possibility of attributing his interview to the genre of ego-text. Based on the material of interviews collected under the editorship of Valentina Polukhina, the main biographical, aesthetic and creative aspects of the poet's self-presentation are analyzed, three categories of his interlocutors are identified, as well as the thematic features of the interview and the manner of expressing Brodsky's personal position.

Keywords: Brodsky, interview, ego-text, representation of the poet.

Е. Р. Махмутова

(научный руководитель – доктор филологических наук Т. А. Снигирева)

Уральский федеральный университет

Екатеринбург, Россия

Интервью и анкеты А. Тарковского как конструирование этико-эстетического сценария

Аннотация: в статье анализируются интервью и анкеты Арсения Тарковского, раскрывающие индивидуальные черты нравственных и художественных принципов поэта, воплотившихся в создании особого этико-эстетического сценария творческой личности Тарковского-поэта, переводчика, филолога.

Ключевые слова: А. Тарковский, поэт, интервью, анкеты, этико-эстетический сценарий, эго-текст.

Тенденция увеличения интереса к творчеству А. Тарковского в XXI веке безусловна. Посмертный трехтомник «Избранного», вышедший в 1991 году в издательстве «Художественная литература», включал в себя далеко не все тексты. Задачу переиздания поставил перед собой Государственный музей истории российской литературы им. В. И. Даля, в издательстве которого вышел трехтомник «Тарковские. Из наследия», составителями которого были М. А. Тарковская – дочь поэта и В. А. Амихарян. Два последних тома включают в себя ранее известные небольшому кругу читателей статьи, интервью, заметки А. Тарковского, которые публиковались при жизни поэта лишь в газетной продукции. Нас интересуют интервью и анкеты А. Тарковского, раскрывающие важные особенности поэтического мышления, особый этико-эстетический сценарий поэтической личности. Эстетический сценарий поэтической личности – «сложнейшая структура системы этики – эстетики, формирующаяся действием внешних факторов и внутренних – наличием и спецификой абсолютного слуха, голоса, зрения, вкуса и совести поэта» [Казарин 2011: 31]. Исходя из этого определения, материал интервью будет выстраиваться по тематическим блокам, для наиболее полного раскрытия мировоззренческой картины поэта. Анкеты организуются в хронологическом порядке по мере выхода их в печать.